

РЕСКРИПТ 18 ФЕВРАЛЯ 1905 г.: МАНЕВР ВЛАСТИ И РЕАКЦИЯ ОБЩЕСТВА В СИБИРИ

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009) и программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

В статье ставится вопрос о степени готовности российского общества в 1905 г. к роли равноправного субъекта в политическом диалоге с властью. Представлены результаты анализа основного спектра общественных настроений в крупнейшем регионе страны – Сибири – в связи с декларированным Николаем II 18 февраля 1905 г. намерением создать законосовещательный орган. Определены основные факторы, блокировавшие возможность консенсусной коммуникации власти и общества в России начала XX в.

Ключевые слова: власть; общество; политическая система; реформы; общественные настроения; диалог; Сибирь.

Исторически сложившийся в России дисбаланс статусов властных и общественных структур в политической системе обусловил специфику их взаимоотношений, формировавшихся на конфликтогенной основе и исключавших возможность равноправного диалога. Однако в переломные моменты отечественной истории, в условиях назревания и обострения системного кризиса, эта политическая конструкция, как правило, обнаруживала свою уязвимость и неустойчивость, в связи с чем появлялся шанс для достижения если не консенсуса, то, по крайней мере, компромисса между властью и обществом. В частности, в отечественной и зарубежной историографии представлено мнение о существовании такого шанса на первом этапе революции 1905–1907 гг. [1. С. 12–13; 2. С. 424–425].

В поисках ответа на вопрос о причинах, заблокировавших реализацию этой возможности, проведены серьезные исследования, связанные с анализом обстоятельств, предшествовавших и сопутствовавших появлению актов 18 февраля 1905 г., а также с определением отношения к ним высших сановников, представителей правящей бюрократии, лидеров земцев-конституционалистов и освобожденцев [2. С. 395–438; 3. С. 85–105]. Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку именно перечисленные акторы являлись главными действующими лицами политической коммуникации, предмет которой составляли возможные изменения в конструкции политической системы. Однако при этом за скобками внимания остаются настроения, эмоции, мнения, которые были характерны для различных групп общества вне пределов Центральной России. В результате формируется несколько редуцированное представление о социально-политической атмосфере в стране, не позволяющее, в частности, оценить степень готовности общества к артикулированному выражению своей позиции и к роли равноправного субъекта в политическом диалоге с властью.

Этим обстоятельством и продиктована необходимость определения основного спектра общественных настроений в крупнейшем регионе страны – Сибири – в связи с декларированным императором Николаем II 18 февраля 1905 г. намерением создать законосовещательный орган. Источниковую основу для решения поставленной исследовательской задачи составили материалы региональной периодической печати, журналы заседа-

ний и постановления городских дум, резолюции и петиции научных обществ, культурно-просветительных и других общественных организаций, листовки и прокламации местных партийных организаций.

С формальной точки зрения Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о привлечении «достоинейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений» [4. С. 25–26] мог трактоваться как сигнал о готовности верховной власти реагировать на запросы и ожидания общества. Именно так его и восприняли те группы общественности, которые считали необходимым реформирование политической системы страны. Заявления императора о намерении продолжить «царственное дело венценосных предков», которые «в мудрости своей всегда даровали необходимые, в зависимости от назревших потребностей, преобразования», вселяли надежды на возможность переустройства «сверху». Поскольку же Николай II не преминул выразить уверенность в том, что «знание местных потребностей, жизненный опыт и разумное откровенное слово лучших выборных людей обеспечат плодотворность законодательных работ на истинную пользу народа», у сторонников реформ сложилось впечатление о возможности диалога власти и общества.

Социальные ожидания, порожденные рескриптом 18 февраля, подкреплялись изданным одновременно Высочайшим указом правительствующему сенату, повелевавшим «возложить на Совет министров рассмотрение и обсуждение поступающих на имя наше от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [4. С. 22]. Содержание указа было истолковано в обществе как предоставление права петиций, что вызвало поток всеподданнейших адресов. Адреса на имя императора с выражением радости и благодарности по поводу рескрипта 18 февраля отправили городские думы Енисейска, Красноярска, Иркутска, Томска, Семипалатинска, томское биржевое общество [5. 11 марта, 27 марта, 29 марта, 9 апр.; 6. 11 марта; 7. 31 мая]. Со страниц либеральной печати раздавались призывы к общественным учреждениям, просвети-

тельным и научным обществам, частным лицам включиться в разработку вопроса о порядке созыва и характере представительного учреждения, поскольку только широкое участие общественности может служить залогом тщательного учета местных особенностей и рационального решения вопроса в целом [5. 1905. 12 марта]. Стремлением гарантировать сибирякам право голоса при обсуждении общегосударственных проблем на высшем уровне было продиктовано обращение городской думы Красноярска к А.Г. Булыгину с ходатайством о приглашении выборных делегатов Красноярска и Енисейской губернии в Особое совещание по выработке оснований для учреждения народного представительства [8. Л. 44].

Активная деятельность по подготовке проектов политических реформ развернулась в комиссиях, созданных при городских думах. Доминирующей идеей в проектах, составленных гласными Тобольска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, являлась организация выборов народных представителей на основании всеобщей, равной и тайной подачи голосов, при полной свободе предварительных и выборных собраний, слова, печати и обеспечения неприкосновенности личности [6. 8 марта; 8. Л. 37, 124; 9. Л. 89, 90, 170–171, 173; 10. Л. 67, 84; 11. Л. 114; 12. Л. 10, 16; 13. 9 марта]. Уделяя в своих проектах особое внимание вопросам реформирования городского самоуправления, члены городских дум напрямую связывали их решение с проведением общеполитических реформ. Так, определив свой идеал городского самоуправления, гласные Томска сошлись во мнении, что «существовать такая община может только в правильно организованном правовом государстве» [11. Л. 114]. Специальная комиссия, избранная городской думой Барнаула для детальной разработки предложений по реформированию системы местного самоуправления, свою деятельность начала с подготовки «представления на Высочайшее имя о нуждах и пользах государственных» [10. Л. 67]. В представлении, принятом единогласно на заседании думы 29 апреля 1905 г., речь шла об исключительной значимости скорейшего созыва органа народного представительства для ликвидации бюрократической системы управления и умиротворения страны [Там же. Л. 84].

Воодушевленная намерением властей создать орган народного представительства, активно включилась в обсуждение проблем реформирования государственного устройства местная интеллигенция. На собраниях томского юридического общества; общества врачей Енисейской губернии; обществ вспомоществования учащих и учивших в Енисейской губернии, Акмолинской области и в Томске; томского, барнаульского и красноярского обществ попечения о начальном образовании и других подобных организаций принимались резолюции с требованиями гражданских свобод: права личной неприкосновенности, свободы совести, слова, печати, собраний и союзов [5. 4 марта, 29 марта, 24 апр.; 7. 1905. 12 апр.; 13. 13 марта, 6 апр.; 14. Л. 12; 15. Л. 2–3; 16. Л. 4]. В целях обеспечения гарантий гражданских прав предлагалось руководствоваться при формировании представительного органа принципом прямого, всеобщего, тайного и равного голосования, который рассматривался в

качестве неременного условия подлинного волеизъявления народа и залога авторитетности представительства [5. 9 апр., 24 апр.; 13. 13 марта, 6 апр.; 17. Л. 2–3; 18. Л. 6]. Созданию благоприятных предпосылок для поиска «общими силами примиряющих решений» и обеспечения социального консенсуса, по мнению инициативной общественности региона, должны были способствовать амнистия всех пострадавших за политические и религиозные преступления, немедленная отмена законов об усиленной охране, предоставление права пользоваться устным и печатным словом с ответственностью только перед судом присяжных, прекращение войны с Японией [5. 24 апр.; 13. 6 апр.].

В ряде случаев культурно-просветительные и научные общества ставили также вопрос о полномочиях народного представительства. В петиции красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) на имя императора, в резолюциях томских обществ взаимопомощи учащим и учившим, попечения о начальном образовании, а также юридического общества были сформулированы предложения о наделении представительного органа функциями законодательной власти, рассмотрения и утверждения государственного бюджета, контроля над исполнительной властью [13. 6 апр.; 14. Л. 12; 16. Л. 4; 19. Л. 1]. Последовательно проводя принцип разделения властей, юридическое общество высказывалось также за «строгое отделение законодательной власти от судебной, за независимость и несменяемость» представителей судебной власти [7. 12 апр.]. Широта постановки проблем реформистского переустройства империи отличала «Проект усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», составленный комитетом Тобольского музея. Наряду с вопросами местного значения (переселение, ссылка, железнодорожное строительство, таможенные пошлины, порто-франко на сибирских реках) в нем поднимались проблемы взаимоотношений государства и общества, ставился вопрос о пределах вмешательства государственной власти в частную жизнь граждан и об ответственности власти за развитие страны и т.п. [20. С. 54–55].

И всё же нет оснований полагать, что связанные с рескриптом на имя А.Г. Булыгина ожидания перемен являлись доминантами общественного сознания. Предоставленная Указом от 18 февраля 1905 г. возможность обращения во властные инстанции с «предположениями по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» если и вызвала некоторый интерес у средних городских слоев, то, главным образом, в части, касавшейся вопросов «улучшения народного благосостояния». Примером может служить петиция, отправленная в конце марта 1905 г. в Петербург группой служащих Омской почтово-телеграфной конторы. В числе их «предположений» значились: шестичасовой рабочий день для телеграфистов и восьмичасовой для служащих почты; увеличение заработной платы до 50%; предоставление праздничного отдыха, ежегодного отпуска, бесплатной медицинской помощи и т.п. [21. С. 26]. Созданием комиссии для выработки пожеланий учителей об улучшении

своего положения откликнулось на акт 18 февраля «Общество взаимного вспомоществования учащимся и учащим Акмолинской области» [Там же. С. 100–101]. Показательно, что из 88 зафиксированных в феврале–августе 1905 г. (до получения известия о Манифесте 6 августа, который подвел черту под инициированным властью обсуждением проектов государственного переустройства) эпизодов проявления общественной активности в Томской губернии лишь 10 были связаны с реакцией на рескрипт 18 февраля и обсуждением проектов представительного учреждения. Рабочие и служащие явно предпочитали выражать и отстаивать свои интересы посредством стачек, забастовок, митингов, в ходе которых выдвигались, прежде всего, требования повышения заработной платы, улучшения условий труда и быта и т.п. [22. С. 126–143]. Эта тенденция была характерна и для всей Сибири [23. С. 86–91].

Вероятно, отчасти скептический настрой большинства населения в отношении возможности улучшить свое положение путем подачи «предположений» в высшие инстанции государственной власти формировался под влиянием активной пропаганды местных комитетов РСДРП, которые в своих листовках призывали противопоставить петиционной кампании решительную борьбу против самодержавия [22. С. 125–142; 24. С. 25–27]. Вместе с тем разрабатывавшиеся местными общественными деятелями проекты не могли рассчитывать на поддержку сколь угодно широких слоев населения, поскольку не затрагивали его насущных нужд. Получив санкционированное императором право подачи петиций «по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», представители либерально настроенного инициативного меньшинства в своих проектах даже не ставили проблемы удовлетворения экономических интересов народа и в этом смысле вполне заслуживали упрек в пренебрежительном отношении к нуждам трудящихся слоев. Полностью сконцентрировавшись на проблемах переустройства политической системы, либералы руководствовались собственной логикой, получившей солидное теоретическое обоснование в трудах идеологов этого направления общественной мысли. Предоставление гражданских и политических прав населению рассматривалось как необходимое условие и важнейшая предпосылка справедливого решения социально-экономических проблем. Сомнений же по поводу реалистичности и реализуемости предлагавшихся вариантов политических реформ не возникало. По-видимому, авторы проектов искренне полагали, что их «предположения» могут стать основой для преобразований государственного строя.

Между тем логика политического поведения реформистски настроенных общественных деятелей, будучи неприемлемой для большинства населения, явно диссонировала и с намерениями власти. Формулировки рескрипта 18 февраля 1905 г. недвусмысленно давали понять, что преобразования возможны «лишь в порядке известной последовательности и с осмотрительностью, обеспечивающей неразрывность крепкой исторической связи с прошлым, как залога прочности и устойчивости сих преобразований в будущем», «при непрременном сохранении незыблемости основных законов в империи»

[4. С. 25–26]. Подтверждал незыблемость устоев русского государства и подписанный Николаем II 18 февраля 1905 г. Высочайший манифест. Его текст, содержавший призыв ко всем русским людям крепко сплотиться вокруг престола «к вящему укреплению истинного самодержавия на благо всем нациям и верным подданным» [Там же. С. 23–25], был опубликован местными газетами и, несомненно, хорошо известен просвещенной публике региона. Однако парадоксальным образом все положения актов 18 февраля, устанавливавшие пределы возможного участия населения в решении государственных вопросов, были оставлены общественностью без внимания. Избирательное восприятие транслировавшихся высшими государственными инстанциями сигналов, обусловленное повышенным градусом социальных ожиданий в условиях начавшейся революции, не позволило адекватно оценить тактику властных структур.

Фактически же предпринятый 18 февраля маневр являлся действием с заранее запрограммированным результатом, а потому и содержание подписанного Николаем II 6 августа 1905 г. Манифеста об учреждении Государственной думы как высшего законосовещательного представительного органа Российской империи было вполне предсказуемым. Тем не менее, по-видимому, такое завершение петиционной кампании стало источником когнитивного диссонанса для многих сторонников либеральной модели общественного переустройства: их уверенности в заинтересованности и готовности власти к проведению реформы политической системы на принципах конституционализма был нанесен серьезный удар. Вместе с тем было поставлено под сомнение и имманентно присущее либеральному мировоззрению убеждение в том, что только государство, стоящее на страже общественного интереса, может провести реформы средствами, исключаящими произвол, нарушение законности.

Результатом разочарования в способности власти к самореформированию стала заметная радикализация политических настроений в обществе. В регионе распространялись листовки социал-демократов и эсеров с призывами бойкотировать выборы в булыгинскую Думу [22. С. 142]. Отказ от участия в выборах провозглашался резолюциями многочисленных собраний и митингов [25. С. 81]. Та же часть местной интеллигенции, которая сочла бойкот Думы нецелесообразным, видела смысл избирательной кампании в продвижении собственных проектов реформирования политической системы. В резолюции иркутского союза адвокатов указывалось: «...адвокатура должна принять самое деятельное участие как в предвыборной агитации, так и в самой Думе с тем, чтобы эта последняя не занималась органической работой». Предназначение Думы в резолюции сводилось исключительно к «достижению народного представительства, основанного на началах всеобщей, равной, прямой и закрытой подачи голосов, с правом законодательной власти и осуществления политической свободы» [26. Л. 129]. Общее собрание врачей Восточной Сибири большинством голосов высказалось за необходимость принимать участие в выборах булыгинской Думы «в целях агитации и проникновения в нее, как в захваченную позицию, для более энергичного

следования по ранее намеченному плану» [7. 8 окт.] (под последним опять же подразумевалось создание народного представительства на основе всеобщего избирательного права, обеспечение гражданских и политических свобод). На собрании Восточно-Сибирского отдела союза инженеров и техников было решено «принять самое деятельное участие в предвыборной агитации для избрания тех лиц, которые в Государственной думе немедленно по открытии ее потребуют Учредительного собрания» [Там же. Л. 126]. Уверенность иркутян в том, что булыгинская Дума может стать средством достижения «истинного» народного представительства, избранного всеобщим голосованием Учредительного собрания, разделяли и их единомышленники в Забайкалье [27. 7 сент.]. Таким образом, расставшись с иллюзиями, порожденными рескриптом 18 февраля 1905 г., сторонники реформистского варианта государственного переустройства обрели новые – связанные с использованием булыгинской Думы как своеобразного плацдарма для создания законодательного представительного органа.

Между тем дальнейшее развитие событий в стране сделало вопрос об отношении к булыгинской Думе неактуальным. 7 октября остановкой Московско-Казанской железной дороги началась Всероссийская политическая стачка. 17–19 октября стачка стала всеобщей по своему характеру и в Сибири, охватив почти все города, станции и рабочие поселки региона [23 С. 106]. Таков был финал иллюзорного в своей сути диалога власти и общества в формате, заданном рескриптом 18 февраля 1905 г.

Традиционалистское правосознание правящих структур, основанное на признании «незыблемости» исторически сложившихся основ государственного устройства, не допускало возможности реальных кон-

ституционных изменений. Власть реагировала только на те сигналы общества, которые воспринимались как прямая угроза самому её существованию. Волна забастовок, народных выступлений, а не петиционная кампания заставила правительство разработать, а Николая II подписать «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. Стремление к «скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты» было продиктовано провозглашение гражданских свобод, расширение избирательных прав населения и предоставление законодательных полномочий Государственной думе.

События 1905 г. со всей очевидностью обнаружили отсутствие у общества иных инструментов воздействия на власть, кроме революционных выступлений. В России начала XX в. не была сформирована сколько-нибудь широкая сеть самодельных общественных структур и институтов. Бедственное материальное положение большинства населения империи естественным образом смещало фокус его интересов в сферу решения социально-экономических проблем. Вопросы реформирования политической системы волновали преимущественно (и почти исключительно) интеллигенцию. Острота социальной поляризации, разнонаправленность стремлений различных групп и слоев населения делали невозможным консолидированное волеизъявление и не позволяли обществу претендовать на роль равноправного субъекта в диалоге с властью. В таких условиях рескрипт 18 февраля 1905 г. не стал (и, по-видимому, не мог стать) прологом к конструктивной консенсусной коммуникации власти и общества, к которой стороны по разным причинам оказались не готовы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелохаев В.В. Особенности отношений власти и общества в России: история и современность // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 10–21.
  2. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. 548 с.
  3. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. 221 с.
  4. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. : сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России. М., 2010. 884 с.
  5. Восточное обозрение. Иркутск, 1905.
  6. Сибирский вестник. Томск, 1905.
  7. Сибирская жизнь. Томск, 1905.
  8. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 173. Оп. 1. Д. 2391.
  9. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 152. Оп. 35. Д. 641.
  10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 5955.
  11. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2591.
  12. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2837.
  13. Енисей. Красноярск. 1905.
  14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6099.
  15. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1942.
  16. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 70.
  17. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 482.
  18. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Оп. 1. Д. 112.
  19. ЦДНИ ТО. Ф. 6000. Оп. 1. Д. 76.
  20. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. 170 с.
  21. Толочко А.П., Плотников А.Е., Родионов Ю.П., Зиновьев В.П. Хроника общественного движения в Сибири 1895 – февраль 1917 гг. Кн. 1 : Общественное движение в Омске. Томск, 1996. 171 с.
  22. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Т. 1 : 1880 – февраль 1917 г. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск, 2013. 399 с.
  23. Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. 320 с.
  24. Порхунов Г.А. Листовки периода 1905–1914 гг., обращенные к городской демократии от имени партийных и общественных организаций Сибири. Хроника // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. С. 24–32.
  25. Третьяков В.В., Третьяков В.Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск, 1997. 240 с.
  26. Государственный архив Иркутской области. Ф. 245. Оп. 3. Д. 322.
  27. Забайкалье. Чита. 1905.
- Статья представлена научной редакцией «История» 14 ноября 2015 г.

RESCRIPT OF FEBRUARY 18, 1905: MANEUVER OF THE GOVERNMENT AND REACTION OF THE SOCIETY IN SIBERIA

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 135–139. DOI: 10.17223/15617793/403/22

Kharus Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Keywords: government; society; political system; reform; public mood; dialog; Siberia.

The article raises a question of the extent to which Russian society of 1905 was ready to become a full-right subject in political dialogue with the government. For solving the research task, the author of the article performed the analysis of the public mood spectrum in the largest region of the country – Siberia – in connection with the intention Nicolas II declared to create a consultative assembly. Most of local intellectuals reacted to it by active participation in the preparing of reform projects. Gatherings of cultural and educational societies, city дума commissions developed the main directions of national reorganization such as granting civil rights and establishment of a popular representation body on principles of universal, equal and direct suffrage and secret ballot. But these projects were not supported by broad layers of the population and did not evoke a response from the authorities. Traditionalist legal consciousness of government structures based on the concept of inviolability of the historically formed basis of the national system did not allow any constitutional changes. The government reacted only to those social signals that could jeopardize its existence. The All-Russian political strike became a result of that dialogue, illusory by its nature, between government and society. At the end, it was the wave of social unrest but not the petition campaign that made the Government create and Nicolas II issue the October Manifesto of 1905. The events of 1905 clearly revealed that society had no means to influence the government except for revolutionary actions. In the beginning of the 20th century, Russia had no broad net of self-regulating social organizations and institutions. Financial distress of most Russian people naturally shifted the focus of their interest to the solving of social and economic problems. Issues of political system reforming were interesting mostly for intellectuals. The sharpness of social polarization, multi-directionality of interests and intentions of different social groups made a consolidated will expression impossible and did not allow the society to become a full-right subject in the dialogue with the government. Under such conditions, the rescript of February 18, 1905 did not become (and presumable could not become) a prologue to constructive consensual communication between government and society.

REFERENCES

1. Shelokhaev, V.V. (2000) Osobennosti otnosheniy vlasti i obshchestva v Rossii: istoriya i sovremennost' [Features of relations of power and society in Russia: Past and Present]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kuda idet Rossiya? Vlast', obshchestvo, lichnost'* [Where is Russia going? Power, society, identity]. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences.
2. Leontovich, V.V. (1995) *Istoriya liberalizma v Rossii. 1762–1914* [The history of liberalism in Russia. 1762–1914]. Moscow: Russkiy put'.
3. Ganelin, R.Sh. (1991) *Rossiyskoe samoderzhavie v 1905 godu. Reformy i revolyutsiya* [The Russian autocracy in 1905. Reform and Revolution]. St. Petersburg: Nauka.
4. Lazarevskiy, N.I. (ed.) (2010) *Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904–1908 gg.: sb. zakonov, manifestov, ukazov Pravitel'stviyushchemu senatu, reskriptov i polozheniy Komiteta ministrov, odnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii* [Legislation of the transitional period. 1904–1908: Collection of laws, manifestos, decrees of the Governing Senate, rescripts, and the provisions of the Committee of Ministers relating to the transformation of the political system of Russia]. Moscow: State Public Historical Library of Russia.
5. *Vostochnoe obozrenie*. (1905).
6. *Sibirskiy vestnik*. (1905).
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1905).
8. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 173. List 1. File 2391. (In Russian).
9. State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 35. File 641. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 3. File 5955. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 127. List 1. File 2591. (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 233. List 2. File 2837. (In Russian).
13. *Enisey*. (1905).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 3. File 6099. (In Russian).
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 1942. (In Russian).
16. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 600. List 1. File 70. (In Russian).
17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 482. (In Russian).
18. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIO). Fund 300. List 1. File 112. (In Russian).
19. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 6000. List 1. File 76. (In Russian).
20. Mosina, I.G. (1978) *Formirovanie burzhuzii v politicheskuyu silu v Sibiri* [The formation of the bourgeoisie in the political power in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Tolochko, A.P. et al. (1996) *Khronika obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri 1895 – fevral' 1917 gg.* [The chronicle of the social movement in Siberia, 1895 – February, 1917]. Book 1. Tomsk: Tomsk State University.
22. Zinov'ev, V.P. & Kharus', O.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk province in 1880–1919: in 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
23. Shilovskiy, M.V. (2012) *Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg. v Sibiri* [The first Russian revolution of 1905–1907 in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
24. Porkhunov, G.A. (1995) Listovki perioda 1905–1914 gg., obrashchennye k gorodskoy demokratii ot imeni partiynyykh i obshchestvennykh organizatsiy Sibiri. Khronika [Leaflets of 1905–1914 for the urban democracy in the name of the party and public organizations of Siberia. A chronicle]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* [Materials for the chronicle of the social movement in Siberia in 1895–1917]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Tret'yakov, V.V. & Tret'yakov, V.G. (1997) *Kadety Vostochnoy Sibiri v 1905–1917 gg.* [The Cadets in Eastern Siberia in 1905–1917]. Irkutsk: Irkutsk State University.
26. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 245. List 3. File 322. (In Russian).
27. *Zabaykal'e*. (1905).

Received: 14 November 2015